

№ 9 СЕН 1969

г. Пермь

Газета №

В ЭТО ВРЕМЯ ЗА КУЛИСАМИ

Своей чередой шаш дневные и вечерние спектакли. Гастроли подходили к концу, но труппа работала очень напряженно, сразу на двух огромных сценических площадках, да плюс еще шедшие концерты на предприятиях и стройках. Театр полюбился пермякам, и до конца гастролей у касс то и дело появлялись аншлаги: «Билеты проданы».

Ну, а когда актеры полюбились зрителю, он непременно хочет узнать о них побольше, хоть краешком глаза заглянуть в их «заповедную», закулисную жизнь — так уж устроен он, зритель.

Вообще-то актеры это любопытство терпеть не могут. С них достаточно и того, что они должны публично чувствовать, переживать, жить на сцене во время спектакля. Но в действительности театра «Ромэн» есть такая сторона, не многим, может быть, известная, которая заслуживает того, чтобы о ней знали.

Телесрители Перми, вероятно, помнят, как во время одной передачи главный режиссер театра Семен Аркадьевич Баркан предложил в три часа одного из дней желающих прийти попробовать «попытать счастья». «Ромэн», как он это обычно делает во время гастролей во всех городах, объявил «вольный» конкурс для намеревающихся поступить в труппу театра.

Разумеется, никто не надеялся увидеть кочевья, сходящиеся на площадь перед нашим академическим оперным. От работников «Ромэна» можно было услышать рассказы о том, как «академизирующиеся» приходило более ста и испытания продолжались в течение нескольких дней подряд. Но то, что случилось, некоторым образом превзошло всякие ожидания.

В танбуре служебного входа в театр толпилась группа девяти человек — лет от семнадцати до

двадцати. Все «цыганского» типа, но среди них ни одной цыганки.

— Ну, и чего же вы хотите? — со вздохом спросил режиссер Олег Хабалов, которому предстояло проводить этот своеобразный экзамен.

— Провериться.

Хабалов грустно и не без юмора улыбнулся, но ответил довольно сдержанно:

— Вы знаете, у нас все-таки театр цыганский...

А цыган, пожелавших блеснуть своими способностями и соблазнившихся перспективой стать актерами этого единственного в мире театра, все не было.

Наконец, все-таки появились двое: Саша и Вася. На вопрос: «Ту романс? ракирвса?» («Горишь по-цыгански?») — ни один из них не ответил: видно даже не понял вопроса.

Зато на вопрос: где работаешь? — один из них не без гордости сказал:

— На лошади.

— Как это? — не понял Хабалов.

— Цыгану без лошади нельзя, — с еще большей гордостью отвечал тот явно где-то взятой на прокат фразой.

Выяснилось, что красавец-парень (двадцать три года и три класса «образования») работает конюшником.

Впрочем, «все работы хорошие». Но парни не смогли вспомнить ни одного стихотворения, не умели пугать ни петь, ни танцевать.

— Ну? — спросил Олег Хабалов своих товарищей, когда парней попросили подождать, пока будет совещаться «жюри». Все молчали, пожимали плечами. А Джимми Гарсия, которая пришла поболеть за возможных новичков, сказала:

— Честное слово, мой Антошка сплясал бы лучше.

Антошке ее от роду четыре года.

Не то, чтобы Хабалова и других очень уж удручало, что

конкурс явно ничего не давал: не нашлись здесь, найдутся в другом месте — страна наша талантами, в том числе и цыганскими, не оскудела. Но дело в том, что «Ромэн» поставлен в очень специфические обстоятельства по части подбора своих актеров. Хотя в одном муниципальном романсе и поется, что-де «на цыганском факультете образование получило» — никаких цыганских факультетов, как известно, не существует ни в ГИТИСе, ни в каком-либо другом институте или училище. Театр набирает исполнителей, что называется, прямо «со двора», разыскивая их повсюду. Знаменитый Николай Сличенко, похоронивший такие музыкальные города мира, как Варшаву, Прагу и Париж — сын сельского кузнеца, из села и пришел в искусство. Потому так заботливо и настоятельно выискивает коллектив талантливых людей, где только возможно. Потому и грустно жюри, когда первые испытанные оказались неудачливыми.

И все-таки появилась цыганка, которая все умела: и читать, и петь, и плясать. Заблестели глаза у Джимми и Рая Иващенко (она сама год назад попала в труппу после такого же экзамена), они тут же подхватили припев, азартно зазаввели обе гитары — Толи и Гены. «Испытуемая» Рая Братчикова, находку извинившись, что мешают ушки, по моде юбка, с пенью тут же перешла в пляс, танцевала самозабвенно и очень умело.

Только выяснилось, что Рая пришла совсем не за тем, чтобы попробовать стать профессиональной актрисой, а за советом и помощью. Она — участница цыганского самодельного коллектива при Дворце культуры имени Чехова на Гайве, и ей хотелось подновить репертуар, записать слова незнакомых песен. Ей обещали напеть и продиктовать все, что угодно и сколько

угодно, пусть только приходит с магнитофоном, просила появиться через пару дней, чтобы показаться главному режиссеру, привести участников своего ансамбля...

И в эти же дни С. А. Баркан, выступавший с лекциями о жизни цыган, об истории театра, в Кунгуре встретил еще одного парня, который заставил обратить на себя внимание. Анатолий Полетаев, недавно пришедший из армии, после лекции Семена Аркадьевича, узнал о многих интересных актерских судьбах «Ромэна», вызвался попробовать себя. Он отважился на очень рискованный и прямо-таки смелый шаг, в чем уже можно было видеть данные, необходимые актеру. В зале оставалась значительная часть слушавших лекцию, не было аккомпаниатора, но это не обескуражило его. Он пел. И читал — одно и то же в разных планах по требованию Баркана. И танцевал. Близкие искусству люди поймут, на какое тяжелое дело он решился. И когда — уже на улице — появилась наконец гитара, Баркан его заставил с ходу спеть что-нибудь народное еще прямо и там. И главный режиссер этого единственного в своем роде театра оголовался об исполнении Полетаева так: «Это был настоящий фольклор».

Рая Братчикова в театр не пришла. Видно, у нее своя жизнь, свои дела и заботы, а искусство своего народа она и так отдаст достаточно сил. Пока нечего сказать и о том, как далее будут проявляться несомненные способности Анатолия Полетаева. Но приятно, что стараниями коллектива «Ромэн», стараниями самодеятельных энтузиастов вроде Рая и Анатолия живет и не тускнеет это древнее и молодое, «как тоска любви, как вярный страсти», искусство талантливого народа.

И. ИВАНОВ.